

НАТАЛІЯ РУДЕНКО-КРАЄВСЬКА

викладач Львівської національної академії мистецтв, театральний художник.

Я хотіла би сказати про те, що я винесла після того, як побачила виставку, і що мені виявилось цінним. Я теж, як і Віктор Сидоренко, закінчувала Харківський художньо-промисловий інститут, щоправда, трохи пізніше. Це була конкретна школа, реалістична школа, вірніше, те, що від неї лишилося. Ми як раз покоління, яке з того вийшло. І, безперечно, справляє враження, що отримавши залишки якоїсь ґрунтовної системної школи, в тих метаморфозах, які відбулися з державою, людина здатна настільки змінити свій спосіб мислення і настільки вийти на сучасність. Мені здається, що цей шлях як раз був протилежний від того (і я побачила це в цих роботах), від заперечення ілюзій. Особливо в останній серії. Бо кожній людині властиві ілюзії. В мистецтві на ілюзії все було побудовано. В театрі, починаючи з ренесансного періоду, це була суцільна ілюзія. ХХ сто-

річчя заперечило ілюзію. Так само, як абстракціонізм заперечив ілюзію.

Ситуація, що виявляється в роботах даного проекту, вельми цікава. Використовуючи фото-реалізм, використовуючи, так би мовити, чисто ілюзорне мистецтво, кожна робота по-своєму заперечує ілюзорний спосіб мислення. Особливо це серія з великими портретами — «Свідки». В наш час дуже спокусливо мати ілюзії, і тому важливо їх розвінчання. Якщо людина в собі шукає відмову від ілюзій, тоді вона дивиться на ці роботи, і це мистецтво — для такої людини, воно спонукає до того, і в цьому є його актуальність. Те, що Віктор Сидоренко, який виходячи з тої школи, яка була суцільно побудована на ілюзії, відійшов від того і йде шляхом її подолання (особливо це остання серія — «Рана реальності») — в цьому є актуальність, в цьому є цікавість дії.

Розвиток концептуальної рефлексії

«Свидетели»: homo sacer или субъект реальности

ВИКТОРИЯ БУРЛАКА

научный сотрудник отдела визуальных практик ИПСИ НАИ Украины, искусствовед

Цикл «Метанойя» — логическое продолжение сквозного антропологического исследования. Человек как отражение эпохи — эта тема проходит сквозь все творчество Виктора Сидоренко. Его интересуют специфические деформации сознания и лиц людей, перемолотых «жерновами времени» (так назывался один из знаковых проектов), жерновами государственной системы и политики, каким бы ни был строй — советским, посттоталитарным или временем запоздалого становления национального государства и самосознания. Художник начинал исследование с рудиментарных явлений тоталитарно-

го менталитета, затем был этап препарирования постутопического интеллекта техногенного общества. От глобальных проблем Сидоренко приходит к иной проблематике — она становится все ближе к непосредственной реальности, лицу социума как ее отражению. В том историческом моменте, в котором мы сейчас находимся, задача художника-антрополога усложняется: он улавливает печать живой и неоднозначной истории на лицах ее реципиентов — наблюдателей и участников. И те и другие являются свидетелями.

Занимаясь историческими исследованиями сознания, Сидоренко прибегал к ретро-проект-

ции настоящего — лица современников стилизовались так, что они казались людьми из прошлого. Сейчас от этого «наведения патины» художник отказался: от застылости, маскообразности персонажа прошлых серий он переходит к образам, оживленным событием, с отпечатком настоящего, свидетелями которого им пришлось оказаться. После этого опыта — маска превращается в облик. Сквозь свойственный персонажу тоталитарный налет в «свидетелях» опознаются люди нашего времени. Персонажи как будто застывают в безвремяе, в ситуации «так было и будет всегда». В извечном и жестком строе вещей история продолжает требовать своих жертв. Художника никогда не интересовали «выдающиеся личности»: историю медленно, но верно движут вперед анонимные винтики системы. Если уж называть вещи своими именами, ее «биоматериал», «компост», homo sacer (так Джорджио Агамбен называет казус древнеримского права), «человек священный», мог быть убит просто так и кем угодно — и по сей день эта случайная жертва является цементом социальных взаимоотношений.

Ловя напряженный и тревожный взгляд персонажей из цикла «Свидетели», «перечеркнутых» цветными полосами, зритель приходит к выводу, что произошло нечто, о чем они хотят сообщить, — что-то большее, чем хроника событий и стихийный реактивный надрыв ответственности с его беспомощными формулировками действительности. Есть более глубокий подтекст образов. Мы часто слышим о безнаказанности виновных в происходящей катастрофе. Но для нас, наблюдающих эту катастрофу и ее последствия, акт наказания уже произведен в реальности. Нам необходимо признать свою уязвимость и перейти из состояния «тревожных» наблюдателей в состояние присутствующих свидетелей. Именно к этому подталкивают герои проекта. Не покрывать происходящее сентиментальной песнью о безнадежности,

а участвовать в настоящей (не ритуальной) реальности. Открытие этой некомфортной истины есть основное беспощадное экзистенциальное переживание сегодня. Однако мы все еще пребываем в некоей сомнамбулической стадии — тихая «гибридная» война уносит свои жертвы, но те, кого это не коснулось непосредственно, пытаются абстрагироваться от факта событий.

Сидоренко всегда прибегал к атрибутам унификации своих героев. Но здесь его персонаж выходит из прошлых порядков, где символом homo sacer выступала нагота черепа, стирающая индивидуальность человека, а процедура сбривания волос — это подготовка к «жертвоприношению», лишение человеческой жизни ее ценности. Исторический отрезок, на котором дано существовать этим молодым людям, охарактеризовать довольно сложно — именно потому, что он продолжает длиться сегодня. В действительности пройденные человеческие порядки уже давно утратили свою основу и значимость. Сегодняшняя реальность вторгается в ситуацию инерции социальных конструкций. Поэтому положение «здесь-и-сейчас» мы способны переживать не более чем эмоционально. Пока нет исторической дистанции, которая все расставит по своим местам. Но есть ощущение значимости, драматизма и противоречивости момента, двойных стандартов: показательной озабоченности и подлинного безразличия к гибели людей — с одной стороны, но с другой — открытие своей уязвимости, способности встречать событие лицом к лицу, не проективно, а осознавая себя, свое присутствие в этой реальности.

Происходящее с нами — фрустрация вследствие примирения со своей беспомощностью перед инерцией прошлых схем (паттернов) восприятия. Идея «Свидетелей» — это переход от фрустрации к внимательности и концентрации в точке присутствия. Присутствия в той реальности, которую мы не желаем или не готовы принимать, но время не дает нам другого выбора.